

Петрюкова М.В.

Гастрольные байки

**О музыкальных буднях
прямым текстом**

Маргарита Петрюкова

**Гастрольные байки.
О музыкальных буднях
прямым текстом**

«Издательские решения»

Петрюкова М.

Гастрольные байки. О музыкальных буднях прямым текстом /
М. Петрюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830513-9

«Музыка — сверстница рода человеческого», писал Пауло Коэльо и прибавлял: «Скажи мне, какую музыку ты слушаешь, и я скажу тебе, кто ты». А можно перефразировать: «Скажи мне, какую музыку ты создаешь, и я скажу тебе, кто ты». Вторая часть сборника рассказов о рок-артистах расскажет читателю о тяготах гастрольной жизни, быте и музыкальных буднях этих людей простыми и прямыми словами. Покажет обратную сторону шоу-бизнеса и приподнимет завесу тайны над тем, что обычно происходит за кулисами.

ISBN 978-5-44-830513-9

© Петрюкова М.
© Издательские решения

Содержание

Иногда они возвращаются	6
Куда уходит вдохновение	15
Великий художник	18
Двойной агент	25
Девушка Бонда	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Гастрольные байки О музыкальных буднях прямым текстом Маргарита Петрюкова

*Это не фан-фикшн. Все герои и
группы, в которых они играют,
являются вымышленными.*

© Маргарита Петрюкова, 2016

© Маргарита Владимировна Петрюкова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0513-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иногда они возвращаются

Музыкальной истории известно много случаев, когда женщина становилась причиной распада групп. Но бывало ли когда-нибудь наоборот? Ведь иногда только заботливая женская рука может аккуратно склеить кусочки, которые, казалось, не дано собрать воедино.

Как мы помним, Джой записывал сольный альбом. Да, он был великолепным лириком, но прописать инструменты так хорошо, как в Hall of shame ему не удалось, несмотря на то, что к работе были привлечены очень хорошие сессионные музыканты. Альбом все равно выглядел суховатым по сравнению с мелодичной эмоциональностью пластинок группы.

Но Джой не сильно расстроился. Запись сольника была для него интересным опытом, не больше. Теперь он будет как раньше отдавать все силы группе, и вносить свою лепту в виде лики и партий бас-гитары в общий котел.

Сэм, Шерман и Карл альбом послушали и оценили со всей предвзятостью, с которой можно оценивать работу своего лучшего друга. Коротко указав на недостатки в гитарном звуке, имевший музыкальное образование, Шерман, поставил диск пять из пяти. Сэм корректно напомнил всем, что вокал – это не вотчина Джоя, а Карл, проигнорировав сбивчивые, на его взгляд, ритмы, назвал Уотсона самым талантливым человеком, с которым ему приходилось работать.

Басист был доволен их теплыми отзывами, и ни о какой работе, кроме Hall of shame не задумывался. Пока не появился Дэвид Ройс – шотландский музыкант, который вместе со своими коллегами и несколькими приглашенными артистами записывал альбом, обещавший, как писали в журналах, стать эпохальным. Сразу после выхода пластинки Джоя, Ройс позвонил ему и поздравил с этим важным событием.

– Благодарю, – ответил басист Hall of shame, удивленный тем, что человек, с которым он был знаком лишь заочно, решил лично поздравить его.

– Это важная веха в музыкальной карьере, – продолжал Ройс. – Я считаю, артист должен попробовать все: сольные проекты, работу в группе, различные коллаборации, верно?

– Смотря, к чему у него лежит душа, – задумчиво ответил Уотсон, гадая, куда же тот клонит.

– В общем, Джой, не хочу ходить вокруг да около. Я скоро займусь интересным проектом вместе со своими друзьями, и мы были бы очень рады видеть тебя там в качестве бас-гитариста.

– Оу, я польщен.

– Если заинтересуешься – дай мне знать. Обязательно.

– А что за проект?

– Ограничивать себя мы не станем! – воскликнул Ройс. – К обсуждению принимаются любые идеи. Но ориентировочно хочется поэкспериментировать с рок'н'рольным звучанием начала нулевых.

Тот что-то невнятно промычал.

– Мы можем на тебя рассчитывать?

– Дэвид, я не хочу ничего обещать. У меня гастроли на носу.

– Мы никуда не торопимся! – заверил его Ройс. – Если надо мы подождем твоего возвращения.

Джой произвольно удивленно заморгал. Дэвид Ройс, который без труда может найти хорошего басиста, готов ждать пока Hall of shame закончат тур, чтобы играть именно с ним.

– Дай мне знать! – уже с небольшим нажимом сказал шотландец.

– Хорошо, я дам, – согласился Джой. – Но я ничего не обещаю.

– Я понял! Но мы ведь не закрываем эту тему?

– Нет, не закрываем.

– Отлично, жду звонка, Джой! – Ройс отключился.

– Кто это был? – поинтересовался у басиста Шерман, видя, что тот очень удивлен состоявшимся телефонным разговором.

– Это был Дэвид Ройс. Он хочет, чтобы я принял участие в его проекте.

– Ммм... И что ты об этом думаешь? – тоном ревнивой девушки спросил гитарист.

Джой прекрасно знал эту его интонацию и капризное выражение лица, поэтому ответил:

– Ничего не думаю. Сейчас у меня полно других забот, и я предпочитаю думать о предстоящих гастролях.

Шермана эти слова удовлетворили, и о звонке Ройса больше никто не вспоминал.

Hall of shame отправились в тур. Как обычно масштабный и аншлаговый. В каждом городе музыкантов ждали новые впечатления, знакомства с новыми людьми и новые яркие эмоции.

И именно во время или после гастролей музыканты, вдохновленные этим, писали новую музыку. Возможно, поэтому каждая их работа была такой оригинальной, эмоциональной и всегда разной.

Прошедший тур не стал исключением. Едва вернувшись в Лондон, Hall of shame отправились в студию.

Все могло бы пойти замечательно, каждый как обычно, занимался бы своим делом, но на Джоя к сожалению или к счастью снизошло вдохновение, и он написал песню. То есть полностью. Слова, ритм и музыку. Вдохновленный и, если можно сказать, окрыленный, он принес наброски своим товарищам по группе. Прочитав ноты и текст и выслушав комментарии басиста, самое мягкое, что могли ответить его друзья это то, что песня не подходит концепции альбома.

– Плюс она явно не для моего вокала, – добавил Сэм.

– Ее буду петь я.

– Ты? – недоверчиво спросил Карл.

– Да. Что тут такого?

– Нет, – барабанщик покачал головой. – Ничего.

Джой переводил взгляд с одного хмурого лица на другое. Им не нравится его песня? Почему не сказать об этом прямо? Басист редко писал музыку, а сейчас он сочинил что-то, по его мнению, шедевральное, а коллеги по группе этого не оценили. Джой не хотел ругаться, поэтому решил отложить решение данного вопроса до более благоприятного момента, но время шло, а дело не сдвигалось с мертвой точки. Надо отметить, что Уотсон очень серьезно относился ко всему, что он делает и считал, что любое произведение имеет право на жизнь. Не бывает плохих или хороших песен, фильмов, картин или книг. Бывает просто мнение большинства или меньшинства. А большинство, как мы знаем, не всегда оказывается правым. Но большинство может задавить. Так вышло и в нашем случае.

– Джой, мы не говорим, что твой трек плохой, – попытался успокоить его Сэм, видя, что Уотсон начинает обижаться. – Мы просто говорим, что он не подходит для нашего альбома.

– Иными словами – он недостаточно хорош.

Шерман, которому уже порядком надоели истерики друга, выпалил:

– Если тебе так угодно – да, он недостаточно хорош для альбома Hall of shame!

Он тут же пожалел о своих словах потому, что Уотсон зловеще спокойным тоном поинтересовался:

– А я достаточно хорош для Hall of shame?

– Джой, Джой, – попытался успокоить его Карл. – Он не это хотел сказать.

– Но он сказал это! Он это сказал!

– Он сказал, – пробормотал барабанщик. – Но он не это имел в виду.

– Ты его адвокат, Карл?

Сэм закатил глаза, уж очень их диалог напоминал спор детей в средней школе.

– Пусть он сам скажет! – не унимался Джой. – Пусть сам скажет, что он не то имел в виду.

Шерман тоже уже не хотел отступать, поэтому проговорил:

– Прости, Карл, но у меня обычно не возникает проблем с выражением моих мыслей.

– То есть, – нахмурился барабанщик.

– То есть я был прав! – взвился Джой. – Он считает, что я вам не гожусь, что я – слабое звено!

Гитарист разозлился:

– Про тебя вообще речи не шло! Я говорил только про твою идиотскую песню!

– Про мою идиотскую песню, – грустно повторил Джой. – Ясно. Понятно.

Этот диалог происходил за кулисами пресс-конференции по борьбе со СПИДом, в которой Hall of shame принимали участие, поэтому выяснять отношения дальше они не стали. Но Джой был явно обижен, и за весь вечер не произнес ни слова, которое выходило бы за рамки поднятой на пресс-конференции, темы.

Когда он приехал домой, жена, вместо обычного приветственного поцелуя, встретила его настороженным взглядом.

– Что? – спросил ее музыкант.

– Джой, – она прижала к груди планшет, который держала в руках. – Я прочитала, что ты поругался с ребятами из-за своей песни и решил уйти из группы. А поскольку Дэвид Ройс и компания уже давно ждали возможности поработать с тобой, теперь ты будешь играть с ними.

Уотсон не переставал удивляться, как их приватные диалоги становились достоянием прессы да еще так быстро. Хотя, казалось бы, что после рассказанной на все лады истории о Эйсид Хэде, удивляться уже нечему.

– Где ты прочитала? – спросил он.

– В интернете, Джой!

Тот привлек ее к себе:

– И уже успела расстроиться?

Девушка покивала.

– Когда же ты перестанешь верить всему, что пишут про меня СМИ? Не лучше ли перестать читать эту ерунду, и спросить меня лично?

Бриджит отстранилась и посмотрела ему в глаза:

– Скажи, что это неправда.

Джой отвел взгляд:

– Не все правда.

– А что правда?

– У нас с ребятами произошла небольшая размолвка, но точка еще не поставлена. Я никуда не уйду.

– И не уходи.

– Это жизнь. Никогда не знаешь, как она повернется в следующий момент.

– Джой! – с ужасом посмотрела на него девушка.

– Этот трек, Бриджит, – он взял ее за руку и повел к компьютеру. – Я чувствую, что это лучшее, что я когда-либо делал. Ты знаешь, что есть вещи, которые не описать словами? Тогда в дело вступает музыка. И я, понимаешь, смог при ее помощи передать свои чувства. Люди, которые будут его слушать, смогут взглянуть на мир моими глазами.

– Только если они обладают такой же тонкой душевной организацией, как ты, – Бриджит погладила его по щеке. – Ты замечательный, Джой. Этот трек могут услышать миллионы, но лишь единицы оценят его.

– Но это же не повод не выпускать его.

– Конечно не повод.

– А еще, кажется, ты только что не лестно отозвалась о душевной организации Сэма, Карла и Шермана.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

– Они ведь не оценили мой трек, – с улыбкой пояснил Джоуи.

Ночью он долго не мог заснуть, слушал размеренное дыхание жены и думал о том, что она сказала. В интернете пишут, что он ушел к Ройсу и записал свой трек с ним. С чего вообще им это пришло в голову? И тут он вспомнил, что полгода назад тот звонил ему и предлагал сотрудничество, а он был занят подготовкой к гастролям и отказался. Интересно, шотландец еще ждет его, ведь прошло уже много времени. Надо будет позвонить ему. Но сначала он поговорит со своей группой.

На следующий день он, как обычно, пришел на студию, где записывались Hall of shame. Сэм и Карл поздоровались с ним, Шерман же наградил снисходительным взглядом.

– Парни, – начал Джой. – Мне самому надоела эта тема, но я вынужден спросить еще раз: вы точно решили, что мы не будем включать мой трек в альбом?

– Точно, – вздохнул Спарк. – Что, по-твоему, изменилось за ночь?

Уотсон перевел взгляд на остальных, но те сделали вид, что не замечают его.

– Поразительно, – пробормотал Джой. – Я от вас такого не ожидал.

– Какого – такого? Мы просто мыслим здраво.

Басист разочарованно покачал головой. С Шерманом все понятно, он в последнее время был сам не свой, но почему молчат Сэм и Карл? Почему они не видят, насколько хороша его работа?

– Это окончательно? – спросил он.

– Да, Джой, это окончательно и, пожалуйста, давай закроем эту тему.

– Уже закрыли. И я подумал, раз я вам неугоден, я вас избавлю от своего общества!

– Джой! – воскликнул Карл, но тот уже вышел.

Барабанщик укоризненно посмотрел на Шермана.

– А что? – воскликнул Спарк. – Я виноват? Замечательно!

– Ты был груб, – сказал Сэм.

– Я хотя бы говорил! А вы двое трусливо молчали! Тоже не очень хорошая политика.

– Возможно, тебе стоило быть тактичнее. Это ненормально, когда в разгар записи один из членов группы разворачивается и уходит.

– Ненормально, когда в группе единодушия нет! Вот это ненормально!

– Ну хватит! – воскликнул Карл. – Не достает только чтобы и вы двое поругались!

Но Шерман все же сказал свое последнее слово:

– Не надо воспринимать это столь серьезно. Джой всегда был таким. Вспомните, как он ссорился с Бриджит (см. рассказ «Воспоминания о будущем. Часть 2»). Были эти же сцены с хлопаньем дверями и показные обиды. Сейчас он посидит дома, успокоится, и все вернется на свои места.

Возможно, гитарист и был отчасти прав. Но сейчас Джой отправился звонить Дэвиду Ройсу, который, он знал так хотел привлечь его в своей проект, что не сможет отказаться от предложения издать трек, в который Уотсон вложил все лучшее, что мог вложить.

Ройс, естественно, согласился, и когда Бриджит вечером вернулась домой, то застала своего мужа пакующим чемоданы.

– Что происходит? – спросила она.

– Я лечу в Глазго, – совершенно будничным тоном ответил Джой. – Ты со мной?

Девушка так и застыла на месте:

– Что, прости, ты сказал? Зачем ты летишь в Глазго? – ответ она и так знала, но хотела услышать его из уст музыканта.

– Буду участвовать в проекте Ройса. Запишу с ним свою песню.

– А как же Hall of shame? Вы ведь записываете альбом.

– Как оказалось, я для них недостаточно хорош.

– Это ты сам домыслил?

– Нет, это прямым текстом сказал мне Шерман Спаркл.

Бриджит не могла поверить, что гитарист это сказал.

– Только вчера, Джой, вчера ты говорил мне, что тебя с Ройсом ничего не связывает, а сейчас собираешь вещи и, похоже, в восторге от всего происходящего.

– Послушай, Дэвид отличный музыкант, профессионал.

– Неужто лучше Шермана, Карла и Сэма?

– Я понимаю, что они твои друзья, и ты в любом случае предпочтешь их кому бы то ни было, но ведь и мой выбор надо уважать...

– Каким бы глупым он ни был, – закончила за него Бриджит.

Музыкант укоризненно посмотрел на нее:

– Это не моя прихоть. Но трек должен быть издан.

– А фанаты, Джой? Эйсид Хэд и так заставил их пострадать. Теперь еще ты.

– Это же не навсегда.

– Ты уверен? Вместо того чтобы расставлять точки над *i*, ты после первой же размолвки уходишь. Почему ты думаешь, что тебе не найдут замену?

– Не знаю, – сказал музыкант. – Я не думаю сейчас об этом.

– А стоило бы, – вздохнула девушка.

– Вот представь, – взял ее за плечи он. – Что ты написала книгу и чувствуешь, что это потенциальный бестселлер. А издатель отказывается ее печатать. Что ты сделаешь? Пойдешь к другому, так ведь?

– Некорректный пример, – ответила Бриджит. – Издатель мне никто. А ребята – твоя вторая семья. Вот если бы я хотела ребенка, Джой, а ты считал, что еще рано, стала бы я искать ему другого отца?

Уотсон был удивлен таким сравнением, а девушка продолжала:

– Вот это был корректный пример. И я не полечу с тобой в Глазго. Может, ты соскучишься. Если не по ребятам, то хотя бы по мне.

– Бриджит...

– Все, Джой, – она стряхнула с себя его руки. – Я этого не одобряю, но если тебе так лучше – вперед! Запиши свой трек, пусть он будет в топах.

Девушка вышла из комнаты, а Уотсон продолжил собирать вещи. Он принял решение, и ничто не заставит его передумать.

На следующее утро басиста уже не было в Лондоне, а остальные члены Hall of shame узнали о его отъезде только тогда, когда на студию вместо него пришла Бриджит и рассказала им, что произошло.

– С ума сойти! – выпучил глаза Шерман. – Твой муж поступил подло!

– После того, как ты сказал ему, что его работа ничего не стоит!

– Я такого не говорил!

– Говорил или не говорил, какая теперь разница? – вздохнул Сэм. – А что сказал Джой? Он ушел из группы?

– Он не может уйти из группы, у нас контракт еще на три альбома, – напомнил Карл.

– Если он принял решение уйти, я из своего кармана готов отсчитать лейблу неустойку, но работать с ним не буду, – заявил Шерман.

– Что ты такое говоришь? – воскликнул барабанщик.

– Он сказал, это временно, – поспешила вставить Бриджит. – Он просто хочет записать свой трек, и если не с Hall of shame, то хотя бы с Ройсом.

– Я этого Ройса на дух не переношу, – продолжал сердиться гитарист. – Он мог работать с кем угодно, но не с этим типом. Скользким, мерзким...

– Остынь, – сказал Сэм. – Ройс обычный человек, не хуже и не лучше нас с тобой.

Шерман недовольно засопел:

– Я, конечно, не хочу, чтобы Джой покинул группу, но я это и глотать не стану. Пусть знает, что у нас тут не открытая лекция, чтобы уходить и приходить, когда захочется.

– Джой – чувствительная натура, – произнесла Бриджит с нежностью в голосе. – Вспомните его поведение, когда мы ссорились.

– Да, я тогда засомневался, кто из вас девчонка ты или он, – пробурчал гитарист, но уже беззлобно.

Девушка решила, что с этой стороны конфликт улажен, но как теперь быть с ее упрямым мужем?

А он тем временем уже начал свое сотрудничество с Дэвидом Ройсом. Познакомился с музыкантами его группы, посмотрел студию и готов был приступать к записи и идти на новые интересные эксперименты, которые ему предложит шотландец.

Они записали вместе несколько треков Дэвида и, наконец, Джой показал ему свою бесценную песню.

– Это круто, – сказал тот. – Это действительно круто, но я добавил бы пару моментов.

– Каких?

Ройс поделился своими мыслями, Уотсону они показались здравыми, и басист, вместе с группой занялись внесением изменений в трек.

В процессе работы казалось, что это лишь незначительные детали, которые только добавят в песню красок, но когда Джой сел послушать готовую дорожку, оказалось, что она сильно отличается от оригинала.

Но не только в студии Ройса звучал сейчас его трек. В Лондоне его на репите слушал Сэм.

– Сколько можно? – не выдержал Шерман, когда песня заиграла в пятый раз. – Ты издеваешься?

– Я пытаюсь понять, что там такого, что Джой так печется о ней!

– Его тщеславие?

– Нет, – покачал головой вокалист, пропустив сарказм мимо ушей. – Чем больше слушаешь, тем больше замечаешь это.

– Я с пятого раза там ничего не заметил.

Карл, слушая их разговор, улыбнулся. Конечно, гитарист заметил. И он заметил чистый ритм, хороший вокал и еще что-то такое, что нельзя характеризовать одними лишь профессиональными терминами. Это то волшебство, про которое говорил Джой.

А автор этого волшебства со всех ног помчался к Ройсу, узнать, не отдал ли тот мастерить материал.

– Отдал, – удивленно ответил Дэвид. – Мы же все утвердили, разве нет?

– Да, – Уотсон запустил руки в волосы. – Но я там нашел детали, которые хотел бы изменить.

– Поздно, Джой.

– Черт, – выругался басист. – Черт! Но мы же можем перезаписать?

Ройс покачал головой:

– Мы не успеем по срокам.

Тот понял, что Дэвид врет. Причем самым наглым образом. Он получил от Уотсона все, что хотел, теперь можно его слить. Но чувство обиды перекрывалось беспокойством за песню.

– Она не должна быть такая, – прошептал он, обращаясь скорее к самому нежели, чем к своему собеседнику.

– Но, Джой, ты ведь записывал ее, ты сочинил ее, ты послушал ее, одобрил, и мы отдали все в мастеринг.

– Черт, что делать? – пробормотал себе под нос басист.

– Не знаю, – буркнул Ройс и вышел.

Отлично! Он не знает! А кто же знает тогда? Джой накинул пиджак и пошел на стоянку. Его все кинули. Замечательно. И что он одолжен делать? Машина не хотела заводиться, что рассердило музыканта еще больше.

Наконец кое-как справившись с зажиганием, Уотсон поехал в квартиру, которую снимал в центре города.

Зазвонил телефон. Басист бросил сердитый взгляд на дисплей. Он думал, что звонит Ройс, но это оказалась Бриджит.

– Аллю, – буркнул он в трубку.

– Привет, Джой, – девушка говорила негромким размеренным голосом, и тот немного успокоился.

– Привет.

– Как ты?

– Нормально, – коротко ответил Уотсон.

– Ты уверен?

– Да, черт побери, Бриджит. Я уверен, – это был обман в первую очередь себя.

Ройс только что отдал мастерить диск с его полностью исковерканной песней. Что тут может быть нормального?

– У меня тоже все хорошо, заканчиваю работу над новой книгой.

Джой что-то пробормотал в ответ.

– Ты за рулем? – спросила Бриджит.

– Да. Еду домой.

– Твой дом в Лондоне, там же, где твое сердце. И не говори, что это не так.

– Не начинай, – этот ответ был единственным, который пришел в голову басисту.

– Ты говорил с ребятами?

– Да.

– И что вы решили?

– Что я вернусь, закончив работу здесь, и мы приступим к съемкам видео.

– Вы помирились с Шерманом?

– Мы не ссорились.

Бриджит причмокнула губами.

– Можно сказать, что помирились. Хотя я до сих пор обижен. Не пойму, зачем ты задаешь мне эти вопросы, если общаешься с ними со всеми каждый день.

– Я знаю их точку зрения, хочу знать и твою.

– Да? И какая же у них точка зрения?

– Такая же, как у тебя, – ответила девушка. – Они тоже обижены, хоть это слово и не используют. Но они скучают и хотят скорее начать работу над клипом.

Джой улыбнулся. Скучают. Значит, им плохо без него. Как и ему без них.

– После всего, что вы пережили вместе, – продолжала Бриджит. – Взлеты, падения, этот ужасный поступок Эйсид Хэда, его арест и прочее, Джой, вы просто не можете вот так разойтись.

– Я приехал, – сказал он жене. – Если хочешь, перезвоню тебе вечером.

– На твое усмотрение, – ответила та. – Я тебя люблю, отдыхай.

– Я тоже тебя люблю, – Уотсон убрал телефон в карман и поднялся в свою квартиру.

Что ему теперь делать? Оставить все, как есть? Тогда получится, что он зря вложил в эту песню столько сил и времени.

Музыкант всю ночь ворочался в постели, размышляя, как поступить в сложившейся ситуации. Решение пришло под утро.

Он приехал на студию, где музыканты собрались, чтобы обсудить возможность будущих совместных выступлений.

Джой не был против. Он сразу дал свое согласие по всем условиям. Сейчас его интересовало только одно – трек, над которым он столь упорно работал.

– Уберите его, – сказал басист Ройсу.

– Как убрать? Зачем?

– Мне не нравится, как он звучит.

– Но он звучит нормально.

– А должен звучать идеально!

Шотландец смотрел на него недоуменным взглядом, пока Джой не сказал:

– Просто уберите его из трек-листа и все. Неужели это так сложно?

– Не сложно, – кивнул Ройс. – Просто я не понимаю, зачем. У нас есть песня, она, да, не идеальна. Но кто знает, как она должна звучать в идеале?

– Я знаю.

– Как скажешь, – сдался тот и добавил. – Но если ты хочешь знать мое мнение: и так сойдет.

– Нет. Я серьезно отношусь к тому, что я делаю. И все мы в Hall of shame делаем так. Если трек не идеален, мы переделаем его миллион раз, а если и после этого он не будет полностью нас устраивать – лучше отложим его до лучших времен, но никогда не издадим недоработанный продукт.

– Я же сказал, уберем, – повторил Ройс. – Не кипятись.

Тщетность. Теперь Джой Уотсон знал, что это такое. Он уладил все оставшиеся вопросы с Ройсом и его музыкантами, договорился о репетициях и выступлениях и поехал домой, в Лондон.

Там Hall of shame тоже не теряли времени даром. Она закончили работу над альбомом, утвердили дизайн обложки и ожидали, когда материал сведут.

Появление Джоя стало для них полной неожиданностью.

– О, возвращение блудного сына, – не смог удержаться от колкости Шерман.

– Почему ты не предупредил нас о своем приезде? – спросил Сэм.

– Я никого не предупреждал. А сделай я это, что изменилось бы? Вы устроили бы мне вечеринку-сюрприз?

– Ну, хватит, – сказал Карл. – Потом будете упражняться в остроумии. Джой, мы рады тебя видеть.

Басист немного смутился. Он ожидал взаимных упреков и всю дорогу морально готовился к ним. Очевидно, без Бриджит тут не обошлось. Уотсон с удовольствием пожал музыкантам руки. Барабанщик улыбался. После всего, через что группа прошла вместе, ему было очень важно, чтобы они оставались таким же сплоченным коллективом.

– Как работать с Ройсом? – поинтересовался Сэм.

– Хорошо.

– Так хорошо, что аж приехал обратно? – поднял бровь Шерман.

У Джоя был выбор: двинуть гитаристу в нос или повторить прописную истину, которая никогда не перестанет быть актуальной.

– В гостях хорошо, а дома лучше.

– И еще, как говорила Бриджит, дом там, где твое сердце, – добавил вокалист.

Уотсон улыбнулся, именно эта ее фраза сказанная по телефону, заставила его поторопиться с возвращением в Лондон.

– Она знает, что ты приехал? – спросил у басиста Кайл.

– Нет. Я же сказал, что не предупреждал никого.

– Хотя бы позвони ей. Она больше всех переживала из-за всего случившегося.

– И как обычно, раздула из мухи слона, – добавил Шерман.

– Не слушай его, – быстро сказал Сэм, увидев, что Джой уже недовольно смотрит на Спаркла. – Ну, может, Бриджит немного преувеличила, плюс пресса подливала масла в огонь.

– Ладно, – проворчал басист. – Вы, я вижу, без меня закончили.

Сэм предостерегающе посмотрел на Шермана, который уже собрался сказать очередную колкость, и сам ответил на это:

– Бас ведь был прописан еще до твоего отъезда.

– Вы ничего не переделывали? – осторожно поинтересовался Джой.

– Нет, ни единой ноты, – покачал головой Карл. – Да и зачем? Нам всегда нравились твои партии.

– Хвали, да не перехвали, – наклонился к нему Шерман.

Уотсон улыбнулся. Попытки Спаркла сохранять роль антагониста выглядели весьма забавно, ибо по нему было видно, что именно гитарист больше всех рад тому, что все решилось.

Тому, что музыканты снова будут вместе, будут записывать песни, ездить в туры и играть концерты. И, возможно, тому, что Уотсон не держит на него обиды.

– А как твой трек? – спросил у басиста Карл. – Вы с Ройсом записали его?

Джой поморщился.

– Записали, – ответил он. – Но его не будет на альбоме.

– Почему?

– Я долго размышлял и решил, что не стоит выпускать его как стороннюю работу.

– Правильно, – кивнул Сэм. – Он слишком хорош для Ройса.

Басист удивленно посмотрел на него.

– Да, – тот снова кивнул. – Я много слушал его, и я изменил свое мнение. Этот трек, если его немного доработать, достоин Грэмм.

Джой посмотрел на Шермана, мгновенно сделавшего вид, что настраивает гитару. Этот взгляд не ускользнул и от Элистона, который сказал:

– И Шерм тоже так думает, просто он не хочет в этом признаваться.

Вокалист мог бы и не констатировать очевидную вещь, Уотсон и так это понял. Они группа, которая пережила вместе такое, что другим коллективам и не снилось. Нельзя сосуществовать совсем без ссор, но и нельзя позволять эмоциям брать верх над проверенной годами дружбой. И нужно беречь то, что создавалось с таким трудом, потому что разрушенное однажды порой невозможно отстроить заново.

Куда уходит вдохновение

Вашингтон. Зимний вечер. По всему городу мерцают наряженные елки. Кажется, дух Рождества коснулся каждого уголка столицы, кроме небольшой студии, где Рэнди, Крис и Патрик работали над новым альбомом. Хотя работой над альбомом их потуги едва ли можно было назвать.

– Должен признать, это крах, – грустно покачал головой гитарист, глядя на звуковую диаграмму, скачущую на мониторе. – Панк-рок сейчас не в моде, и если опереться на последние маркетинговые исследования музыкального рынка, нам очень повезет, если альбом выйдет в ноль.

Рик Вайсман, невероятно крутой продюсер, которого вызвали из Англии для работы с ними и который много чего повидал в своей карьере, грустно покачал головой. Эти ребята отталкиваются от конъюктуры рынка при записи альбома. Неправильно.

Реплика Рэнди положила начала оживленной дискуссии.

– Но не можем же мы просто записать вместо панка какой-нибудь гребаный джаз, – возразил Патрик. – Фанаты ждут от нас панк-рока, мы должны дать им панк-рок.

– Мы должны набить кошельки и поехать в отпуск. Вот что мы должны сделать!

– Мы не набьем их, записав панк-альбом!

– Но мы не набьем их и записав что-то постороннее. Панк альбом купят, по крайней мере, наши фанаты, а левая запись так и вовсе никому не будет нужна!

– Почему же The young needles продают свои пластинки, а мы не можем? – обиженным тоном воскликнул Крис. – А ведь они за свою карьеру и шажочка от панка в сторону не сделали.

– The young needles, – протянул Рэнди. – Они предлагали мне поехать с ними в турне вместо Уэла.

Ему никто не ответил. Музыканты обратили взгляды на Вайсмана, надеясь, что он даст им хоть какой-то совет. Но продюсер молчал. Что он мог им предложить? Консерватор по натуре, он шел бы по заданному курсу. Но при работе с Hall of shame это сыграло с ним злую шутку (чит. рассказ «Свежий взгляд»).

– Я не из тех, кто диктует артистам, что и как делать, – сказал он. – Я всего лишь работаю со звуком, чтобы этот альбом был слушабелен, иногда с согласия членов группы, делаю коррективы.

– Так и что же корректировать нам? – спросил Патрик. – Что сейчас в тренде? Что нас сделать, чтобы альбом продавался?

Вайсман пораскинул мозгами и сказал:

– Есть такая пословица, что всем не угодишь. А мы попробуем.

Итак, на следующий день музыканты вернулись в студию с твердым намерением угодить всем. Альбом было решено условно поделить на четыре части: панк-рок, метал-кор, электроника, рок'н'ролл. Но при этом не отходя от канонов основного жанра.

– Вы сможете, – уверил группу Вайсман.

Но музыканты были не слишком озабочены тем, смогут они или нет. The young needles, их друзья и коллеги, а скорее прямые конкуренты, заканчивали работу над новым альбомом, и наши герои усиленно следили за развитием событий, сопутствующих релизу.

– Может, займемся записью, а не обсуждением альбома The young needles? – как-то спросил Вайсман.

– Это просто отвлекающий фактор! – посетовал Рэнди. – Не получается спокойно работать, глядя на то, что у них выходит новая пластинка.

– Почему? Джонс и ко, я уверен, про вас и не вспоминают даже!

– А вот мы про них вспомнили.

– Я думал, если вы хотите работать, и у вас полно идей, то вы будете воплощать их в жизнь, а не сидеть и чахнуть над пресс-релизами The young needles!

Патрик вздохнул:

– Вдохновение нас как будто покинуло.

Неудивительно, – подумал Вайсман. – Головы у них забиты чем угодно, только не музыкой.

– Я знаю хороший способ вернуть вдохновение, – подмигнул ударнику Крис. – Дунем?

– Это не хороший способ вернуть вдохновение, – сказал продюсер. – А хороший способ убить время, которого у нас и так мало!

– Не будь занудой, Рик. Мы выкурим пару косяков и будем, как новенькие!

Тот покачал головой. Он уже жалел, что согласился работать с ними.

Музыканты сделали то, что планировали, окончательно расслабились и не записали в этот день ни одного трека.

Это было настоящее мучение. Каждый день приходиться и заставлять их работать, словно он учитель, а они – студенты.

Каждый день эти люди находили тысячи отговорок, чтобы увильнуть от работы и лишний раз повздыхать над тем, какие The young needles успешные и замечательные, а они впавшие в кризис неудачники.

– И вас никто оттуда не вытащит, кроме вас самих, – сказал им Вайсман. – Поэтому поднимайте свои задницы и делайте хоть что-то.

– Он прав, – согласился с продюсером Патрик. – Тем более, что мы явно не укладываемся в сроки, и лейбл начинает давать.

– Чихать я хотел на лейбл! – заявил Крис. – Муза – это не такси, ее нельзя вызвать по первому желанию!

– Appetit приходит во время еды, – Вайсман жестами загнал их в павильон. – За работу!

Вот он и будет обращаться с ними, как со своими студентами, если они по-другому не понимают.

– А может, все дело в том, что The young needles пишутся на независимом лейбле, а мы – на мэйджоре? – высказал предположение Рэнди, когда музыканты устроили очередной перекур.

– И как ты предлагаешь эту проблему решить? – ехидно поинтересовался у него Крис. – Перейти на независимый лейбл и остаться без гроша в кармане?

– Но там есть и свои плюсы, вас не ограничивают во времени.

– А потом не отравляют диски в магазины. Так и будешь потом продавать их на концертах вместе с мерчем.

– Наш мерч всегда очень хорошо расходился.

Крис закатил глаза:

– Ты понимаешь, что фанаты не станут ждать твоего шоу, чтобы купить альбом? Они скачают, и дело с концом!

Тот вынужден был согласиться. В таком случае получался замкнутый круг, в который музыканты сами себя загнали.

Вайсман провел с группой еще несколько мучительных месяцев, в течение которых он постарался выбить из музыкантов лучшее, на что они способны.

В итоге был записан альбом из девяти треков – минимальное количество, чтобы пластинка могла считаться лонгплеем.

– Неужели все? – с облегчением вздохнул Крис, бегло прослушивая записанный материал.

Теперь он сможет валяться в постели сутками, курить косяки и не быть никому обязанным.

Осталось показать альбом руководству лейбла, чтобы они его одобрили, но это всего лишь формальность. Музыканты уже видели свой CD на прилавках престижнейших музыкальных магазинов.

– Пора готовиться к гастролям, – заметил Патрик. – Альбом готов, тур в его поддержку – лишь вопрос времени. Так что подумайте о том, что вам может понадобиться в дороге.

– Не хочу в тур, – потянулся Крис. – Хочу отдыхать.

– Растолстеешь, – отозвался Рэнди. – Меня вопрос с туром тоже интересует. The young needles звали меня с собой на гастроли, я и так уже долго тяну с ответом.

– Делать тебе, что ли нечего?

– Если ты не подумал об этом, то такой ход может пойти на пользу нашей группе. Мы в такой ситуации, что каждое маленькое упоминание на афишах – очко в копилку.

Крис пожал плечами. В конце концов, если тот этого хочет, с какой стати он должен его отговаривать?

Такие мысли были в головах наших героев, поэтому для них стало огромным сюрпризом, если не сказать шоком, то, что лейбл отказался сводить альбом и пускать его в производство.

– Но почему? – удивлялся Патрик. – Что с ним не так?

– Он ужасен, – просто заявил директор. – Переделывайте, и только тогда приходите.

– Но что конкретно вас не устраивает?

– Все.

Музыканты с глупыми лицами смотрели на директора, который был полностью занят своим ноутбуком.

– Не я должен объяснять вам эти моменты, – сказал он, увидев, что те не уходят.

Разговор был окончен. Трое взрослых мужчин с видом провинившихся школьников поплелись вниз.

– Пойди туда, не знаю – куда, – проворчал гитарист. – Замечательно просто. А вот если бы мы записывались на независимом лейбле, такого бы не было.

Ему никто не ответил. Музыканты вернулись в павильон, где их уже ждал Вайсман, который тоже был в курсе того, что плод их совместной работы руководство не устроило. И которому это было явно не на пользу.

– Вы уезжаете теперь? – поинтересовался у него Крис, увидев, что продюсер собирает вещи.

– Да, у меня уже куча предложений в Англии.

– Мы Вас подвели, – потупил глаза Патрик.

– Ерунда, – отмахнулся Вайсман.

– Но все же, что могло не понравиться боссу? Как вы думаете? – спросил его Рэнди. – С профессиональной точки зрения.

– Я думаю, – тот отвлекся от своего занятия. – Что вдохновение вас покинуло потому, что вы сейчас думаете о маркетинговых исследованиях, о конъюнктуре, о моде. О чем угодно, только не о музыке. Не надо этого делать, это самая настоящая творческая проституция. А лично тебе, Рэнди, следует поехать в турне с The young needles и поучиться у них вкладывать в свою работу частичку своей души. Именно поэтому у них все получается с такой легкостью. Мы тут занимаемся бизнесом, но я скажу так: муза, парни, не приходит к тем, кто хочет просто заработать денег. Она приходит к тем, кто желает записывать песни, и своим творчеством вдохновлять других. И к тем, кто любит свою работу, а не привилегии жизни рок-звезды. Она приходит к тем, кто любит музыку.

Великий художник

*Хорошие художники копируют
Великие художники – воруют
(Пабло Пикассо)*

Все началось с того, что Уэл не смог поехать с The young needles в турне. Эта новость очень взволновала фанатов, и музыкантам пришлось сделать несколько официальных заявлений о том, что Ольсон не покидает группу, просто по независящим от него обстоятельствам вынужден остаться в Вашингтоне.

Заменить его на гастролях вызвался Рэнди Уокер, гитарист одной из ведущих команд вашингтонской панк-сцены, дружественного для The young needles коллектива.

– Спасибо, что согласился помочь, – пожимал ему руку Сэнди на первой их совместной репетиции.

– Всегда рад. Тем более у нас сейчас все равно нет работы. Запись альбома зависла, все разбежались по сайд-проектам.

– Звучит уныло, – сказал Кеннеди.

– На деле это еще унылее, чем я описал, – сетовал гитарист. – Мы должны взять себя в руки, решить вопрос с лейблом, иначе, боюсь, что группа развалится.

– Хэй-хэй! – погрозил ему Спайк. – Только попробуйте! Не можем же мы тянуть вашингтонскую сцену в одиночестве! Посмотри на Лос-Анджелес, надо показать, что таланты рождаются не только под солнцем Калифорнии.

Рэнди был согласен, но в их группе наступил творческий кризис и, хоть им и объяснили его причину, поделаться с этим музыканты ничего не могли. Уокеру оставалось надеяться, что турне с The young needles как-то вдохновит его на создание музыки, а он сможет передать это вдохновение своим коллегам.

А его временных коллег очень волновали вопросы коммерциализации музыки и нехватки молодых коллективов, которые позволили бы панк-сцене вдохнуть глоток свежего воздуха. Музыкальная индустрия в этом плане словно вернулась в восьмидесятые, где начинающим музыкантам, чтобы раскутиться оставалось только передавать из рук в руки болванки со своими записями. Конечно, сейчас немало помогал Интернет, но как далеко писателю, выкладывающему свои опусы на специализированных литературных ресурсах до полок книжных магазинов, так и этим группам с аккаунтами на MySpace далеко до нормальных концертных площадок.

– Почему это вас так волнует? – поинтересовался у музыкантов Рэнди.

– Потому, что мы думаем не только о себе, а о музыке в целом, – сказал Сэнди. – Мы видим, что слушает нынешняя молодежь, и нам от этого грустно. Многие закидают меня камнями за это заявление, но я считаю, даб-степ, который сейчас в моде, отупляющим. Да простят меня коллеги-электронщики, это так. Яркий пример тому – друзья моего сына.

– Он у них проводил соцопрос, – хихикнул Кеннеди.

– Да, я интересовался. И сделал вывод, что эта музыка не дает никакой смысловой нагрузки. Рок'н'ролл же, наоборот, апеллирует к интеллектуальному развитию.

Рэнди фыркнул. Странно, что Джонс не вспоминает о подростках в майках The young needles, которые распивают дешевое спиртное у городских супермаркетов. Тем временем Сэнди продолжал:

– Мы не из тех ребят, которые думают, вот у нас есть все, и гори все остальное огнем. Панк-рок сцена стоит на коленях и на это больно смотреть. Разве тебе все равно?

– Нет, – ответил Рэнди, которому в действительности было все равно.

У него есть своя группа, в которой есть свои проблемы, которые нужно решать.

Но как их можно решать, находясь за тысячи миль от своих музыкантов? Им просто нужна пара хороших песен, и все будет замечательно, верил Рэнди. Им нужен толчок. А то, что говорит Сэнди, это, конечно, здорово, но у него создалось впечатление, что The young needles только болтают языком по этому поводу, но ничего не делают. Если уж, они так беспокоятся по поводу развития панк-сцены, пусть учредят лейбл записывают молодых исполнителей, но нет, они просто разглагольствуют, как печально обстоят дела.

Когда Джонс опять завел эту тему, Рэнди устало закатил глаза.

– Мой сын, – говорил вокалист The young needles. – Совершенно не думает о том, как он слушает музыку. Когда я был в его возрасте, я старался купить хорошие колонки. А он слушает ее на ноутбуке с крошечным динамиком, который искажает звук. Сейчас столько аппаратуры для комфортного прослушивания, но он полностью игнорирует ее. Не понимаю, почему он не хочет подняться в мою студию и послушать свои диски на хай-энд стерео.

С языка Рэнди готово было сорваться множество язвительных ответов, но он благоразумно промолчал. Если Сэнди нравится ломать эту комедию, он не будет ему мешать.

The young needles прибыли в Нью-Йорк. Там они должны были отыграть большой концерт в Мэдисон Сквер Гарден. Рэнди был в восторге.

– Мэдисон Сквер Гарден! – говорил он на саундчеке. – Господи, там играли все столпы рока! Это то место, где мечтает оказаться каждый музыкант!

Члены The young needles его не слушали, они занимались своими инструментами.

– Восемнадцать тысяч человек, – он подошел к басисту. – На нас будут смотреть восемнадцать тысяч человек!

– Да-да, – отозвался тот. – Проверь гитарную линию.

Рэнди подергал струны и обратился к Спайку:

– Я слышал, что только включить тут свет стоит пятьдесят тысяч долларов. Как думаешь, правда?

– Не знаю, – ударник посмотрел на него поверх установки, возле которой сидел на корточках.

Рэнди отошел к своим педалям, которые техники заботливо разместили слева от микрофона Сэнди. Ну, конечно, The young needles, тру-панки играют в Мэдисон Сквер Гарден и при этом говорят о равенстве на сцене. Черта с два! Ему вместе со своей группой никогда не играть на этой площадке, а ведь именно они с The young needles поднимали всю вашингтонскую панк-рок сцену. Вот так, кому-то все, а кому-то – ничего.

Конечно, Рэнди завидовал, он даже подумывал о том, чтобы сделать какую-нибудь гадость или вообще сорвать концерт, но дальше размышлений дело не шло.

Сэнди сегодня был не в духе, он мало общался с публикой, мало двигался на сцене, но добросовестно отработал весь сет.

Когда после шоу музыканты отдыхали в гримерке, вошел их менеджер.

– План такой, – сообщил он. – Сейчас вы спуститесь в партер, уделите внимание публике, а потом мы уберемся отсюда. Машина за вами уже едет.

– Я не пойду, – сказал Сэнди.

Менеджер удивленно посмотрел на него.

– У меня голова раскалывается, – добавил тот. – Отвезите меня скорее в отель и оставьте в покое.

– Представь, что скажут поклонники. Ты весь концерт проспал у микрофона, а теперь отказываешься к ним выйти.

– Проспал? – переспросил Сэнди. – Это было так заметно?

– Еще как заметно, – покивал Кеннеди.

Вокалист поколебался еще несколько минут, а потом сказал:

– Нет, не пойду. Я тоже человек, а не робот. Я тоже могу плохо себя чувствовать.

Те не стали спорить и двинулись в зал, а Сэнди удобнее устроился на диване и открыл ноутбук. Он был активен в соцсетях и предпочитал общаться с поклонниками там.

«Эй, Сэнди, – писал ему фанат в фейсбуке. – Я буду на вашем нью-йоркском концерте. Хочу дать вам диск со своими демо. Интересно узнать мнение профессионалов и, если материал действительно стоящий, попросить о помощи в его продвижении.»

Музыкант отметил сообщение как прочитанное и перешел к ленте новостей. Отвечать сейчас нет смысла. Может, диск возьмет кто-нибудь из музыкантов, тогда он, если что, напишет.

Но, когда The young needles вернулись, вокалист начисто забыл и про диск и про сообщение поклонника. Он быстро положил ноутбук в сумку и поторопился к машине.

Турне продолжалось. Музыканты The young needles боялись, что их временный гитарист, давно не ездивший на гастролы со своей группой, не выдержит их ритма, но Рэнди был бодр и весел и, кажется, даже начал что-то сочинять.

– Новая музыка? – поинтересовался у него Кеннеди, услышав, как тот играет незнакомые мелодии.

– Да, вот написал, думаю теперь послать ребятам.

Басист задумчиво почесал затылок. Когда Рэнди мог написать что-то, если они почти все время вместе? Разве что только ночью под одеялом.

– Я готов! – объявил Спайк, которого остальные только и ждали, чтобы начать саундчек.

Кеннеди отошел на свое место и больше не задавал гитаристу вопросов, тем более, что тот, кажется, говорит на эту тему неохотно. Хотя, по идее, любой нормальный человек спешит поделиться своим творением с другими. Возможно, Рэнди им просто не доверяет.

После саундчека музыканты вернулись в гримерку, и Спайк увидел пропущенный звонок в скайпе.

– Ребята, Уэл звонил, – сообщил он друзьям.

– Перезвони ему! – улыбнулся Кеннеди, и тот выполнил его просьбу.

– Хэй! – поприветствовал товарищей по группе Ольсон. – Как гастролы?

– Обычная рутина, – ответил Сэнди. – Ты же знаешь, как это бывает. Из города в город, из клуба в клуб.

– А как же приключения? – поднял брови Уэл. – Что за гастролы без приключений?

– Пока самое большое приключение – это спущенное колесо, – ответил Сэнди.

– Это потому, что меня с вами нет. Помните мальчика-сталкера или ту пару, что выясняла отношения у нас на концерте? (чит. рассказы «По следам» и «Случай на концерте»)

– А ты соскучился по гастрольным приключениям?

– Ужа да. Надоело сидеть в Вашингтоне.

– А ты отрулил все свои дела? – спросил Кеннеди.

Уэл кивнул:

– Да. Я свободен и дышу легко. А как там мой сменщик?

Сэнди оглянулся на гитариста, который сидел в углу с телефоном:

– Он нормально. Да, замечательно.

Ольсон с сомнением посмотрел на вокалиста в веб-камеру.

– Да все хорошо у нас, Уэл, – успокоил его Кеннеди. – Не переживай.

– Я не переживаю, не льстите себе, – рассмеялся тот. – Но если я вам понадобится, я готов приехать. Мне надоела обычная жизнь, хочу опять быть рок-звездой.

В гримерку заглянул менеджер:

– Ребята, пора на сцену.

– Уэл, созвонимся позже, – сказал Спайк. – А пока рок-звезды пойдут делать шоу. Тот скорчил рожицу в камеру и отключился.

The young needles отыграли концерт, после раздали автографы и двинулись в гостиницу. Вокалист не успел посидеть в фейсбуке в гримерке, поэтому решил сделать это в своем номере.

«Сэнди, – писал ему тот же поклонник из Нью-Йорка. – Ты послушал материал? Я отдал диск Рэнди, он сказал, что передаст тебе. Ты послушал? Он никуда не годится, да?»

Джонс вздохнул. Этот парень здорово переживает за свой материал. Музыкант попросил его прислать ссылку для онлайн прослушивания, раз он так хочет, чтобы его работы были оценены. Тот сразу же сделал то, что сказано, и Сэнди вставил наушники в уши. MP3 были качественные, хорошо записанные, но главное, сама музыка существенно отличалась от того, что предлагает слушателю нынешнее поколение музыкантов. Эти ребята словно изобрели машину времени, способную перенести его на добрых пятнадцать лет назад и дать возможность наслаждаться чистым панк-роком без синтезаторов и драм-машин, которые Сэнди терпеть не мог. Вай-фай в отеле был ужасный, поэтому он решил все же сходить к Рэнди и взять у него диск.

– Фанаты не давали мне дисков в Нью-Йорке, – заявил гитарист в ответ на его просьбу.

– Ты уверен? – уточнил тот.

– Сэнди, я пока еще в здравом уме. Конечно, я уверен.

Джонс решил разобраться с этим потом. Спешить ему некуда, он может послушать записи и завтра.

Так он и поступил. А за завтраком включил пару треков и Спайку, который жил с ним в одной комнате.

– Это круто, – сказал ударник. – Это очень круто.

– Да, двадцатилетние парни из Нью-Йорка рубят так, что у меня волосы встают дыбом. Заглянул Рэнди.

– Эй, вы собираетесь на саундчек? – поинтересовался он и, увидев, что они сидят перед ноутбуком, подозрительно сощурился. – Вы смотрите порно?

– Нет, – засмеялся Сэнди. – Мы слушаем записи, которые прислал мне фанат. Хочешь присоединиться?

– Нет, ребята. Поехали. Кеннеди уже в машине, и он просил поторопить вас.

– Хорошо, мы идем-идем, – сказал вокалист, и Рэнди пошел вниз, таща за собой чемодан на колесиках.

Через минуту Сэнди и Спайк тоже вышли и с удивлением обнаружили гитариста в коридоре. Он возился со своим чемоданом.

– Я думал, ты ушел, – удивился Джонс.

– Я тоже думал, что я ушел, – отозвался тот. – Но, этот, проклятый, чемодан.

Каждое слово гитариста сопровождалось паузой, во время которой он пытался застегнуть расходящуюся на чемодане молнию.

– Кто-то набрал слишком много вещей, – пошутил над Рэнди ударник.

Тот не ответил.

– Хватай его подмышку и пошли, – сказал Сэнди. – А то там Кеннеди нервничает.

Гитарист так и поступил. Потом он купит новый чемодан. Ну, или выбросит половину вещей.

Музыканты провели саундчек и концерт, после которого их попросили ответить на несколько вопросов.

– Вы говорите о коммерциализации музыки, как о вещи непозволительной, – начал репортер. – А сами тем временем продали уже двести тысяч копий своего последнего альбома.

– Это плохо? – улыбнулся Сэнди. – Нас постоянно пытаются притянуть за наши слова, но при этом их неправильно трактуют. Да, мы продали двести тысяч копий, и в данном случае это повод для гордости. Потому, что люди просто идут и покупают наши диски. Наши клипы не мелькают по ТВ, наши песни никому не навязывают и огромные афиши с нашими лицами не висят по всему городу. Тут речь идет уже даже не о торговле музыкой, а о торговле лицом. Что еще хуже.

Рэнди закатил глаза. Господи, какой оказывается, Сэнди Джонс зануда. И как его семья его терпит? Возможно, на сцене он и огонь, но в жизни – нет.

Однако слова вокалиста убедили репортера. По крайней мере, этого. Жаль, что подобные вещи надо каждому раскладывать по полочкам.

После короткого интервью музыканты поехали в гостиницу. Что примечательно, так это то, что члены The young needles продолжили развивать эту тему даже в автобусе. Рэнди уткнулся в ноутбук – эти люди начали его раздражать.

В скайп позвонил Уэл, и музыканты начали рассказывать про интервью ему. О боже, неужели нет других тем для разговора?

Ночь наши герои провели в автобусе, в гостиницу заселились только утром.

Гитарист все еще мучился с чемоданом. Он переложил некоторые вещи в дорожную сумку, но молния просто сломалась и застегиваться не хотела.

– Скажу менеджеру, чтобы купил мне новый чемодан, – пожаловался мужчина. – А этот выброшу при первой же возможности.

– Правильно, – согласился Сэнди, глядя, как тот тянет свой злополучный чемодан, одной рукой придерживая крышку, чтобы содержимое не вывалилось.

Бедняга Рэнди шел, согнувшись в три погибели и, естественно, не смотрел под ноги. Вокалист только хотел сказать ему, что впереди бордюр, но не успел. Чемодан гитариста подпрыгнул, он отпустил руку, и все его вещи оказались на асфальте. Фронтмен The young needles с сожалением наблюдал, как тот кидает свой скарб обратно в чемодан. Тут он заметил диск в белом конверте с надписью «для Сэнди Джонса».

– Эй! – воскликнул он. – А это что?

Подошел Кеннеди.

– Это мое! – гитарист вырвал диск у него из рук.

– А мне казалось, что Сэнди Джонс это я.

Басист удивленно посмотрел на Рэнди и сказал:

– Если там написано «для Сэнди» – отдай его Сэнди.

Тот понял, что спорить с ним все равно, что отрицать очевидное и кивнул:

– Хорошо, в гостинице отдам.

Джонс, в свою очередь понял, что это именно тот диск, который был ему нужен.

– Давай сейчас. Не хочу отягощать твой чемодан этой непосильной ношей.

Рэнди посмотрел на него, как на врага народа, сунул ему диск, схватил свой чемодан и зашагал прочь. Кеннеди подошел к вокалисту:

– Что это за диск?

– Фанат просил передать его мне. Пойдем, послушаем?

Басист согласился, и они поднялись в номер.

– Эй, я слышал, как он играл эту мелодию на одном из саундчеков! – воскликнул он, когда Сэнди воспроизвел диск. – Он сказал, что сочинил ее сам и хочет показать своим ребятам, чтобы записать ее.

– Вот подонок, – сквозь зубы проговорил Сэнди. – Ну, и что с ним делать теперь?

Кеннеди соображал туго и уточнил:

– Он хотел присвоить песню этого парня?

– Да. И если бы я не нашел сейчас диск, ему бы это удалось.

Музыканты замолчали. Первые несколько секунд они сердились, а сейчас стало просто неприятно от того факта, что с ними все время находился человек, способный на такой низкий и подлый поступок.

Заглянул Спайк:

– Ребята, Уэл звонит! Эй, а что у вас с лицами? Такой вид, словно кто-то умер.

Вокалист рассказал ему про Рэнди.

– Ни фиги себе, – присвистнул тот. – Я, конечно, понимаю, что у них кризис, но, черт, воровать чужое! Эти ребята сбились с пути еще после выхода предыдущего альбома.

– Что делать-то с ним? – поинтересовался Сэнди. – Я не борец за справедливость, конечно, и не мне его наказывать, но я все же не могу сделать вид, что ничего не было.

– Там висит Уэл в скайпе, может, он тебе посоветует.

Сэнди и Кеннеди двинулись в номер к ударнику.

– Ну, наконец-то! – воскликнул Уэл с экрана ноутбука.

– У нас тут приключение, – сказал ему Спайк.

– О, – улыбнулся гитарист. – Рассказывайте! Я же говорил: что за турне без приключений!

Сэнди изложил ему суть.

– Творческой проституцией попахивало давно, – Уэл почесал подбородок. – А теперь просто воняет. Они позорят вашингтонскую сцену. Позорят. Вы диск-то у него отобрали?

– Конечно.

– Хорошо бы огласить это, – задумался Уэл. – Чтобы и другим неповадно было. Но это может окончательно поставить крест на группе, которая и так одной ногой в могиле.

– Вот и я про это, – кивнул Сэнди. – У них кризис, пусть сами и выбирают из него. Не надо выезжать на нас или наших фанатах.

– Это все лирика, – перебил его тот. – У вас завтра концерт в Балтиморе. Ты сможешь стоять с ним на одной сцене?

– Смогу, но не скажу, что это доставит мне огромное удовольствие.

– Так гоните его в шею! Я за ночь доберусь из Вашингтона в Балтимор! Мне не нужно репетировать наши песни! К чему вам этот Рэнди? Хотите, чтобы он еще что-нибудь у кого-нибудь украл?

Музыканты переглянулись.

– Приезжай, – кивнул Спайк. – А я поговорю с ним.

– Я пошел собирать вещи! – радостно воскликнул Уэл и отключился.

Ну, хоть кто-то доволен в этой ситуации. Барабанщик вошел к Рэнди в номер с тем, чтобы сообщить ему решение группы, но комната была пуста. Ни гитариста, ни его вещей.

В дверях Спайк столкнулся с менеджером, который на одном дыхании выпалил:

– Он уехал! Я в панике! Просто сбежал и все! Ничего не объяснил!

– Расслабься, завтра приедет Уэл.

Тот с явным облегчением вздохнул:

– А этот-то почему сбежал?

– От стыда.

– Что?

– Не думай об этом, – отмахнулся Спайк. – Он знает и мы знаем. Этого достаточно.

Менеджер пожал плечами:

– Ладно, ждем тогда Уэла.

Следующим вечером The young needles играли в Балтиморе. Они не предупреждали своих поклонников о том, что на гитаре сегодня будет играть тот, кому эта привилегия принадлежит по праву.

Увидев Ольсона, зал просто сошел с ума. Он знал, что фанаты любят его, но даже не подозревал, что настолько. Овации не стихали до тех пор, пока на сцене не появились Спайк, Кеннеди и Сэнди, которые специально задержались на минуту, дав гитаристу насладиться этим своеобразным триумфом.

Это был вечер The young needles, в том составе, в котором все привыкли их видеть. Сэнди смотрел со сцены на ликующую толпу. Эти люди любят их, и ни Уэл, ни Кеннеди, ни Спайк, ни он сам никогда не позволят себе обмануть доверие кого-нибудь из них.

Диск, который дал ему нью-йоркский фан, он передаст продюсерам на вашингтонском лейбле. Как бы ни была хороша записанная там музыка, у The young needles есть свои песни, фанаты любят эти песни, и музыканты не станут воровать чужие идеи.

Рэнди и его группа погрязли в шоу-бизнесе, и пока они не сменят ориентиры, успех к ним не вернется. Потому, что успех любит тех, кто честно делает свое дело.

Двойной агент

Запись пятого по счету альбома Messkeepers была в самом разгаре. На этой пластинке музыканты планировали вернуться к своим корням и выдать мощный альбомчик а-ля конец девяностых. Группе предстояло еще очень много работы, они хотели сделать эту пластинку особенной. Вдохновение витало в воздухе, Messkeepers уже неплохо раздражили своих поклонников в социальных сетях и знали, те с нетерпением ждут даты релиза.

Обычная картина, музыканты отдыхают в студийной комнате. Каждый сидит с ноутбуком на коленях, все заняты своими делами и почти не разговаривают. И эту идиллию как всегда нарушил Скотт Шенкс.

– Ребята, ребята, – затрепал он, войдя. – Я только что послушал записанный материал и хочу сказать, это больше, чем достойно! Я восхищен! Вы превзошли самих себя!

Флетчер неотрывно следил за ним глазами, пока молодой человек перемещался по комнате. Он клавишнику не нравился. Казалось бы, Скотт все время суетился вокруг группы и говорил им только всевозможные приятности, но было в нем что-то такое, что заставляло Флетчера испытывать к нему неприязнь. Вот и сейчас Шенкс повернулся к Лейтону и сказал:

– Твоя техника игры просто потрясающая.

Гитарист учтиво кивнул, приняв комплимент, и снова вернулся к просмотру ленты новостей в твиттере.

– Я тоже когда-то учился играть на гитаре, – продолжил тот. – Но, хоть у меня и отличный слух, видимо, гитара – это не мое. Знаете, так бывает, когда вроде бы в этом нет ничего сложного, а тебе почему-то не дается. Вот у меня именно так и было. Обидно, конечно, я-то мечтал собирать стадионы.

– Скотт, – поднял глаза Флетчер. – Можешь сделать одолжение?

– Какое угодно, Флетч, какое угодно.

– Помолчи хотя бы несколько минут, – невозмутимо ответил Морс и снова уткнулся в ноутбук.

Шенкс разочарованно огляделся. Похоже, с ним никто не собирается разговаривать. Ничего, сейчас вернется с пробежки Дилан, уж с ним-то можно будет поболтать вволю. Дело в том, что вокалист вбил себе в голову, что он теряет форму, и теперь в перерывах между записью он отправлялся на короткие пробежки, хотя и выглядел отлично. Словно призванный силой мысли Скотта, Блейк вошел в комнату и удовлетворенно потянувшись, вынул из ушей наушники.

– Как пробежка? – поинтересовался Шенкс.

– Замечательно, – ответил вокалист и сделал глоток теплой воды. Потом он неодобрительно посмотрел на музыкантов и добавил. – Вам бы тоже не помешало заняться спортом.

Те лишь отмахивались.

– Он прав, – закивал Скотт. – Взгляните на Дилана, он такой подтянутый, у него такое красивое тело.

Блейк медленно повернулся к Шенксу.

– Скажи мне, – так же медленно проговорил он. – Скотт, у тебя все в порядке с ориентацией?

Тот понял, что немного переборщил с комплиментом, смущенно что-то пробормотал и отошел в сторону.

В такой обстановке Messkeepers и записывали свой альбом. Флетчер, Лейтон и Кристиан специально для этой цели привезли на студию свои инструменты, которыми пользовались

в девяностых годах. Все так же Дилан бегал в перерывах между записями, его коллеги сидели с ноутбуками, а Скотт все так же больше мешал, чем помогал.

– Глядите-ка, – Лейтон поднял глаза от ноутбука. – О новой работе Криса Бартона пишут. Видно было, что его друзья тоже заинтересовались.

– Что пишут? – спросил Эндрю.

Гитарист сделал жест рукой:

– Ничего определенного. Как обычно, у Бартона тайны мадридского двора. Никаких помощников и продюсеров, домашняя студия и полная секретность.

– Вот и нам бы не мешало так сделать, – Флетчер метнул на Скотта сердитый взгляд.

– Перестань, – добродушно улыбнулся Кристиан. – Мы не отшельники какие-нибудь, чтобы прятаться от всего света. Messkeepers записывают новый альбом. Не вижу смысла это скрывать.

– Не надо ничего скрывать, надо просто быть осмотрительными.

Вошел менеджер Messkeepers Кэмерон Койл.

– А, вы все сидите, хакеры, – сплеснул руками он. – Вы вообще когда-нибудь записываетесь?

– Конечно, записываемся, – рассмеялся Тим. – Просто ты всегда приходишь в неподходящее время.

– Дилан, по крайней мере, бегают, – сокрушенно покачал головой тот.

– Брось, – усмехнулся Флетчер. – Этот человек хоть и бегают, но на бегу успевает написать в твиттер.

– Messkeepers ушли в сеть, – грустно констатировал Койл. – Когда люди научатся кушать из интернета, вы будете первыми, кто перестанет ходить в супермаркеты.

– Ты гиперболизируешь, – улыбнулся Кристиан. – Просто мы стараемся идти в ногу с технологиями.

Тот хотел что-то ответить, но тут вошел вернувшийся с пробежки Блейк.

– Дил, – обратился к вокалисту Лейтон. – Читаю про новый альбом Криса Бартона. Опять он оберегает свой материал, как зеницу ока, чтобы не дай бог ничего не утекло. Ну как так можно, недолго и с ума сойти.

– Да он уже сошел, – пожал плечами Дилан. – Ни для кого не секрет, что Крис Бартон давно съехал с катушек.

– Точно, – поддержал Флетчер. Со своими секретами и пышными презентациями (чит. рассказ «По воле случая»).

– Вы ничего не понимаете, – проворчал Койл. – Крис Бартон – гений. И нет ничего зазорного в том, что он оберегает свой материал от пиратов. Он знает ему цену!

– Перестань! – отмахнулся Лейтон, неодобрительно глядя на фото знаменитого музыканта у себя в ноутбуке. – У него денег больше, чем у всех нас вместе взятых, а он продолжает дрожать над каждым центом. На это противно смотреть!

– Деньги портят, – философски проговорил Эндрю. – У него их много, а он хочет все больше, больше, больше.

– Деньги портят слабых, – сказал Койл. – Даже небольшие суммы. Если ты малодушен, то хватит и тысячи долларов, чтобы ты превратился в козла.

Менеджер не без гордости взглянул на музыкантов. Ему повезло, что они не такие. Участники Messkeepers были богаты, но каждый цент они отработывали бессонными ночами в студии, долгими репетициями, утомительной записью и изматывающими концертами. Он любил своих ребят. Работа с Messkeepers, пожалуй, лучшее, что произошло с ним в жизни.

Наверное, стоит рассказать читателю, откуда взялся Скотт Шенкс, и почему он помогает группе при записи. Этот парень был знакомым продюсера, работавшего над пластинкой, кото-

рого тот взял за гроши, чтобы он выполнял всю грязную работу. Музыканты были против этой затеи, но продюсер убедил их, что это значительно ускорит процесс. Со временем все члены команды оттаяли к Скотту, и его присутствие перестало их раздражать. Всех, кроме Флетчера.

До самого завершения работы над альбомом клавишник просил его не путаться под ногами. Compliments, которые как любил отвечать музыкантам Скотт, его только раздражали, ибо выглядели очень неискренними и смахивали на неумелую лесть.

– Ты его обижаешь, – сказал как-то Морсу Кристиан. – Парень старается, нигде еще он не облажался.

– В нашей работе у него нет права на ошибки, – строго ответил Флетчер. – Просто помяни мое слово. Он мне не нравится.

– Мне тоже много кто не нравится, – нахмурился гитарист. – Но я же не общаюсь с ними, как с отбросами общества.

Клавишник покосился на молча слушавшего их разговор Дилана и спросил его мнение. Тот не хотел принимать чью-либо сторону, но и смотреть, как вершится несправедливость, не хотел.

– Вообще-то, Крис прав, – задумчиво проговорил он. – Да, Скотт несколько назойлив, но я не думаю, что он делает это нарочно. Прояви снисходительность.

Флетчер не стал спорить. Ребята имеют право на свое мнение, он – на свое.

Работа над альбомом со стороны Messkeepers была закончена. Оставался лишь финальный этап – сведение. Музыканты могли отдыхать. Вернее, не отдыхать, а приступать к репетициям и готовиться к масштабному турне в поддержку готовящегося альбома.

Репетиции у Messkeepers проходили так же, как и запись диска. Музыканты обыгрывали несколько песен, а потом снова садились за ноутбуки. Да, в этой группе играли такие люди, которые не могли ни секунды прожить без интернета. Они читали, писали, постили, твитили, ретвитили, лайкали и делились новостями.

– Нет, ну вы только посмотрите, – негодовал Флетчер. – Опять у Swet утек альбом.

– Так им и надо, – ответил Дилан. – Жадность О’Рейли не знает границ. Мне даже приятно слышать подобную новость.

– Дил у нас Робин Гуд, – хлопнул товарища по плечу Лейтон. – А новость о том, что твой собственный альбом утек, ты воспринял бы с таким же удовольствием?

Не успел вокалист ответить ему, как в комнату вбежал Койл. Он даже не сделал музыкантам замечания по поводу ноутбуков, а это значит дело плохо.

– Что произошло, Кэм? – встревожено спросил у менеджера Кристиан.

– Ребятки, собирайтесь и поехали в студию.

Те, видя, что произошло что-то действительно серьезное, быстро взяли сумки и поторопились вниз.

– И все же, Кэм, – догнал Койла гитарист. – Что случилось?

– Ваш альбом в сети.

– Что? – Дилан остановился. – Где ты сказал наш альбом?

– Ты оглох, Блейк? – обернулся менеджер. – Я сказал, в сети, в интернете, который вы так любите!

На лице вокалиста отразилась вся палитра эмоций, он силился что-то сказать, но не мог, ибо был шокирован, либо играл на публику.

– Дил, идем, – подтолкнул его в спину Лейтон. – На месте во всем разберемся. Может, это какая-то ошибка.

– Это не ошибка! – Койл прыгнул за руль, подождал, пока рассядутся музыканты и завел мотор. – Мы бы не стали вас звать, не проверив все. Альбом появился в сети вчера, на нескольких сайтах для бесплатного скачивания музыки. Наши IT-шники уже связались с администра-

торами сайтов, но файлы до сих пор не удалены. В некоторых местах количество скачиваний уже перевалило за тысячу.

– Черт, – пробормотал Эндрю. – А зачем мы едем на студию?

– Вы знаете, директор лейбла рвет и мечет, он теряет доллар за долларом с каждым скачиванием. Он хочет видеть всех и каждого, кто причастен к записи диска, ибо материал из студии не выносился, и он решил провести собственное расследование относительно того, кто является этим самым айсбергом, на который налетел наш Титаник.

– Он спятил что ли? – вскричал Дилан. – Он считает, что мы выложим собственный альбом в сеть бесплатно?

– Вы забыли, какая слава закрепилась за Messkeepers? – Койл поглядел на музыкантов в зеркало заднего вида. – Люди думают, что вы способны на все. Понимаете? На все.

Ребята притихли. Какая ирония, так часто на протяжении работы они обсуждали утечки материалов и все меры, предпринимаемые их коллегами для защиты своих записей. И вот, теперь они сами жертвы пиратов.

Койл привез группу на студию и провел в тот самый павильон, где они работали. Сегодня там собрались все: от директора рекорд-лейбла до техперсонала. Так же тут был продюсер их пластинки, Скотт и звукорежиссер.

– Ну, что скажете? – вперился в музыкантов директор.

Те молчали. А что тут скажешь?

Мужчина, брызжа слюной, продолжал распинаться о том, что найдет того, кто это сделал и потребует с него все деньги, которые потерял до единого цента. Он кричал, что сделать это мог только кто-то из своих, и вычислить предателя лишь дело времени.

– А не лучше ли обратиться в полицию, – вмешался Тим. – Там они разберутся согласно закону Об авторских правах.

– Ты понимаешь, – подошел к нему директор. – Мне плевать, какой срок получают пираты и сколько долларов штрафа уплатят они. Я хочу, чтобы этот тип, который передал им материал, заплатил все мне, иначе я отправлю его в полицию, и там он будет отвечать и по закону и передо мной.

Эндрю покачал головой – этот человек нес какую-то околесицу. Так просто не бывает. Он, кажется, хочет устроить самосуд.

– Меня все услышали, – продолжал директор. – Если тот, кто это сделал, признается сейчас, ему будет лучше. Ну?

Флетчер оглядел присутствующих. Все стояли со встревоженными лицами. Возможно, утечка альбома произошла по ошибке, и никто не хотел оказаться в этой ситуации крайним. А лейбл теперь ищет диверсанта. Вот поэтому пиратство и процветает, подумал клавишник. Все заботятся лишь о собственной выгоде, а если бы хоть раз воров осудили по всем правилам, чтобы этот случай являлся для других примером того, что может случиться если воровать музыку.

– Молчание, – констатировал директор. – Ничего, администраторы сайтов, куда попал альбом, скажут, кто им его продал.

– Так, а мы можем идти? – поинтересовался Лейтон. – Наше присутствие тут, насколько я понимаю, вовсе необязательно.

– Идите, ребята, идите, – разрешил своим подопечным Койл. – Я сообщу вам, как только...

Менеджер не договорил, ибо у него зазвонил мобильный. Поглядев на дисплей, мужчина выругался и принял вызов. Все присутствующие с любопытством смотрели на него. Койл был мрачен и, чем дольше он держал трубку у уха, тем больше мрачнел. Наконец, он отрывисто сказал, что ему все ясно, поблагодарил звонившего и отключился.

– Что-то по делу? – спросил его директор.

– По делу, – тот кивнул. – Альбомы удалены с бесплатных сайтов по просьбе правообладателя.

Все приготовились вздохнуть с облегчением, но менеджер продолжил:

– Тех, кто выложил его в сеть мы вряд ли найдем, там все концы в воду, но администратор охотно сообщил нам, кто несет за это прямую ответственность.

– И кто? – директор даже задрожал от нетерпения.

– Скотт Шенкс.

Парень, на туповатом лице которого читался лишь небольшой шок, сейчас был действительно напуган. Все смотрели на него с ненавистью, но были и такие, кто не ограничился одним только взглядом. Вокалист Messkeepers сорвался и, схватив Скотта за грудки, прижал к стенке. Молодой человек на мгновение готов был поклясться, что в глазах музыканта блеснули слезы. Но только на мгновение, ибо в следующую секунду Дилан заорал прямо ему в лицо:

– Сколько?

Шенкс испуганно хлопал глазами, потеряв от ужаса не только дар речи но и способность здраво мыслить.

– Сколько, мать твою? – Блейк крепче вцепился в его рубашку и изо всех сил тряхнул парня. – Сколько тебе заплатили за наш материал?

– Полторы тысячи долларов.

– Полторы тысячи? – Дилан с силой толкнул его и тот ударился о стену. – Полторы гребаных тысячи?

Музыкант уже занес руку, чтобы ударить Скотта, но его вовремя оттащили Эндрю и Флетчер. Они были злы не меньше своего фронтмена, но если бы тот сделал то, что собирался, он непременно сломал бы Шенксу челюсть.

– Полторы тысячи, вы слышали? – кричал Блейк, вырываясь и обсыпая всех ругательствами. – Этот подонок оценил нас в полторы тысячи!

– Дилан! – прокричал ему в лицо Лейтон точно так же, как сам вокалист кричал минуту назад на Скотта. – Успокойся!

Гитаристу хватило одного легкого почти неощутимого толчка в грудь, чтобы усадить Блейка на стул. Тот даже не сопротивлялся, а просто сел и закрыл лицо руками, бормоча что-то себе под нос. С тех пор, как он утих, на Дилана больше никто не обращал внимания, все сосредоточилось на том, как они будут казнить Шенкса. Один только Койл грустно смотрел на музыканта. Опять Messkeepers, его Messkeepers попали в передрагу. И какое счастье, что вокалист не успел ударить Скотта, иначе виноватым во всем мгновенно стал бы он. Менеджер видел, как трудились его ребята. Почему же их труд не может быть вознагражден сполна? Конечно, ничего непоправимого не произошло, но печален был сам факт того, что случилось.

– Я говорил, – Флетчер нахмурился. – Я чувствовал.

– Вот что, – принял решение Койл и обратился к музыкантам. – давайте поедem назад, нам здесь больше нечего делать.

– А что теперь будет с ним? – кивнул на Скотта Кристиан.

– Поверьте, он получит по заслугам.

Дилан кинул последний яростный взгляд на Шенкса и вышел. Уже в машине он не переставал причитать:

– Я просто поверить не могу во все это! И если предательство этого ублюдка еще как-то укладывается в моей голове, то сумма в полторы тысячи – нет!

– Не хочу говорить, что я говорил, – выразительно посмотрел на друзей Флетчер. – Но я говорил.

– Не плачьте над пролитым молоком, – Койл глянул на Блейка в зеркало заднего вида. – Я вам так скажу, если группа никому неинтересна, ее запись никуда не утечет до релиза. Так что это еще один показатель вашей популярности. И заинтересованности людей в вашей музыке.

– Ну, спасибо, – пробормотал Тим.

– Не вешайте нос! Вы же Messkeepers! Разве Messkeepers когда-нибудь сдавались? Нет, они шли дальше.

– У Messkeepers есть узкий круг тех, с кем они работают, – сказал Флетчер. – И когда туда влезает посторонние, получается то, что получается.

– Скажи это своему продюсеру, – отозвался Койл.

Клавишник предпочел не отвечать. Вообще на эту тему можно разглагольствовать бесконечно и каждый из участвующих в беседе прав. Кто-то оценивает их в миллион долларов (чит. рассказ «Шоу в Лас-Вегасе»), кто-то лишь в полторы тысячи. Такое надо уметь принимать. Как сказал Койл, Messkeepers, которые оказывались и не в таких передрягах, должны идти вперед и не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Тем более, что им удалось выйти из положения с минимальными потерями. Но и эта ситуация послужила им хорошим уроком. Как говорил Флетчер, у группы действительно была команда, с которой они работали на протяжении уже многих лет, и никто из этих людей никогда не поступил бы так, как Скотт. К такому священному процессу, как запись нового альбома никогда не стоит привлекать посторонних и тех, в ком нельзя быть уверенными. Ведь шоу-бизнес – это та сфера, где есть деньги, а деньги, как правильно заметил Койл, портят слабых.

Девушка Бонда

С утра в тату-салоне почти не было посетителей. И это не смотря на то, что он считался лучшим в городе.

Обычно здесь собирались самые богатые неформалы, иногда заходили музыканты и их помощники, а так же туристы, желающие на память об отдыхе в Городе ангелов оставить на своем теле татуировку.

Тиффани было совершенно нечего делать, и от скуки она листала альбомы с рисунками, которые чаще всего люди желали нанести на свое тело. Под каждой картинкой находилась краткая расшифровка ее значения и несколько фактов из истории. Но клиенты, в большинстве своем, этим совершенно не интересовались. Они просто тыкали в страницу, говоря: «хочу это» и в ответ на рассказ Тиффани об истории и значении этого символа, лишь досадливо отмахивались. Это удивляло и расстраивало девушку. Как можно возжелать запечатлеть что-либо на своем теле на всю жизнь, даже не задумываясь о его смысле и значении?

Хотя, в конечном счете, ее это совершенно не касалось, не ей носить на своем теле древние кельтские знаки, в которые мудрецы нередко вкладывали обожествление зла и прочую оккультную тематику. К слову, у самой Тиффани тоже было несколько татуировок, правда, не имеющих никакого скрытого смысла: милые олд-скульные вишенки на шее, несколько строк из любимой песни на пояснице и, недавно наколотый «браслет из колючей проволоки» на ноге, который девушке сделал ее хороший знакомый, тоже работающий тут.

По телевизору вещал один из кабельных рок-каналов, в плей-лист которого, видимо, отбирали музыку, исходя из принципа «потяжелее». Сама Тиффани не являлась поклонницей тяжелой музыки, но с удовольствием слушала Tuton, футболка с логотипом которых была на ней сейчас надета. И, может, быть, к лучшему, что она не была их на голову большой фанаткой, потому что дверь ее кабинета открылась, и на пороге возник Лори Маллен.

– Что желаете? – Тиффани отложила альбом и застегнула толстовку, чтобы не было видно футболку.

– Всегда приятно встретить поклонника, – улыбнулся музыкант. – С тобой все в порядке, девушка? У тебя такой вид, словно вошел не я, а Фредди Крюгер.

– Не часто к нам заглядывают рок-звезды, – ответила та.

– Не надо прибедняться, – хмыкнул Лори. – Почти все мои друзья, делавшие тату в Лос-Анджелесе, пользовались именно вашими услугами. Ладно, как бы там ни было, я здесь и я желаю свести татуировку.

– Свести? – переспросила Тиффани. – Мы сводим их двумя способами: лазером, это совершенно безболезненно и не оставляет шрамов, или, что называется, по старинке. Есть свои минусы, конечно, зато недорого.

– Вот, мне по старинке, – сказал музыкант.

– Там разница всего в двенадцать долларов, – возразила девушка. – Зато не будет боли и шрамов.

– А я хочу, чтобы было больно! – заявил Лори. – И шрам пусть остается!

Он положил на стол левую руку и, указав на безымянный палец, сказал:

– Вот эту.

Тиффани оглядела фронт работ: наподобие кольца, палец обвивали красные розы и слова на латыни, из которых она разобрала лишь «любовь» и «вечность». Неужели Лори Маллен разводится с женой? Девушка вспомнила, как читала о том, что они с невестой на обручальных пальцах вытатуировали что-то в знак своей любви. Сейчас, судя по всему, любовь прошла.

– Ты собираешься вывести ее взглядом? – поинтересовался Лори.

– Извините, – опустила глаза Тиффани и, надев резиновые перчатки, принялась за работу.

Однако покидал тату-салон вокалист Tuton уже в совсем другом настроении. Пока девушка работала, он сидел, плотно сжав зубы, возможно, не столько от физической боли, к которой ему было не привыкать, сколько от терзавших его мыслей. Тиффани смотрела на него, силясь понять, зачем он это делает. Она готова была забыть про эти двенадцать долларов и провести лазерную процедуру, но, если Лори хотел боли и шрамов, то ей не приходилось спорить с клиентом. Все равно, было трудно поверить, что напротив нее, за столом сидит ее любимый музыкант, она держит его за руку и сводит татуировку.

Когда же Тиффани сказала, что все готово, Лори придирчиво осмотрел свой палец, расплатился и, объявив, что пробудет в Лос-Анджелесе еще месяц, дал ей адрес гостиницы, в которой остановился и ушел.

Примечательно, что эта гостиница находилась в двух кварталах от тату-салона. И, собственно, ничего удивительного в том, что Лори зашел именно сюда, как и в том, что, в конце рабочего дня, Тиффани подправила макияж, закрыла свой кабинет в салоне и, напоследок глянув на свое отражение в витрине, отправилась по адресу.

По дороге ей встретилось несколько хихикающих девочек лет четырнадцати, в майках Tuton, что означало, что весть о пребывании музыкантов тут уже распространяется в фанатских кругах. Тиффани недовольно поглядела на них, думая, что в своей майке выглядит ничуть не лучше, но ничего поделать было уже нельзя, Лори все равно ее уже видел, да и сама Тиффани жила довольно далеко, чтобы ехать, переодеваться. Тратить лишний час на дорогу ей совсем не хотелось.

Далее девушку ждала неприятная ситуация на ресепшне, когда администраторы отказывались ее пускать, а в ответ на просьбу позвонить Лори, лишь отрицательно качали головами. Да и что от них можно было ожидать? Она в этой футболке, выглядевшая гораздо младше своих двадцати пяти, спрашивающая, в каком номере остановился Лори Маллен, более чем кто-либо походила на помешанную фанатку.

Тиффани уже хотела уходить, как раздался звон подъехавшего лифта, двери кабины открылись, и в холле появился Лэнс. Он хотел выйти на улицу, но, увидев девушку в футболке Tuton, подошел к ней.

– Могу быть чем-то полезен? – поинтересовался он.

– Да, Лэнс, – кивнула Тиффани. – Дело в том, что я из тату-салона, сегодня Лори Маллен приходил свести татуировку, и я зашла дать кое-какие рекомендации.

– Единственная рекомендация, которую ему надо дать – это не совершать необдуманных поступков, – проворчал гитарист.

Тиффани молчала.

– Так, а чего ты стоишь тут? – сверху вниз посмотрел на нее Лэнс. – Номер Лори на третьем этаже.

– Я знаю, но меня отказываются пускать.

Мужчина развел руками:

– Ладно, я сегодня добрый. Я провожу тебя к Лори, Идем.

Тиффани последовала за гитаристом, победоносно взглянув на администраторов ресепшна, которые, впрочем, не обратили на это никакого внимания.

– Номер триста три, – сообщил Лэнс, когда они вышли из лифта на третьем этаже. – У него обычно открыто, но лучше тебе стучаться.

– Спасибо, – улыбнулась девушка, но музыкант, ничего не ответив, пошел назад к лифту.

Обидно, а что поделать? И Тиффани двинулась по коридору к триста третьему номеру. На ручке двери висела табличка «Не беспокоить», девушка некоторое время колебалась,

но потом все, же стукнула несколько раз, ответа не последовало, тогда она постучала еще. Снова тишина. Но, ведь Лэнс сказал, что Лори сейчас здесь, а вдруг что-то случилось? Тогда Тиффани слегка приоткрыла дверь и заглянула внутрь. В комнате было пусто и девушка, совсем осмелев, вошла.

Лори стоял на балконе с сигаретой, и, казалось, ничего не слышал, но, как только татуировщица подошла ближе, не оборачиваясь, поинтересовался:

– Похоже, предупреждение на двери кого-то не касается?

Девушка окончательно растерялась. Первым порывом было развернуться и уйти, пока музыкант не повернул голову, но тут он затушил окурочек и через плечо посмотрел на нее.

– С пальцем все в порядке? – к сожалению, больше ничего на ум Тиффани не пришло.

– Не отвалился пока, спасибо, – учтиво кивнул тот. – Чего ты хочешь?

– Ты дал мне адрес гостиницы, вот я и пришла.

– Я дал, но я не сказал, что хочу тебя видеть, – Лори закрыл балконную дверь и задернул портьеру.

Девушка молчала. Либо он больной, либо издевается.

– Ну, поскольку гостей выгонять нехорошо, – продолжал он, подойдя к ней вплотную и обняв за талию. – Что ты можешь мне предложить?

Тиффани вздохнула. Что еще может предложить молоденькая девушка всемирно известному рок-музыканту?

Светящиеся цифры на электронных часах показывали пять сорок пять утра, солнце вставало над Лос-Анджелесом, но из-за тяжелой шторы на окне, в номере пятьсот три было темно. Тиффани вылезла из кровати, оглядывая комнату в поисках своей одежды, Лори спал. Стараясь его не разбудить, девушка собрала раскиданные по комнате вещи, прошла в ванную, а потом и вовсе покинула номер, через несколько часов ей нужно идти на работу.

Лори же, благополучно проспал до полудня и нисколько не удивился не найдя Тиффани в номере. Все ясно, ей стало стыдно, и она сбежала.

Тут дверь открылась, и вошел Лэнс. Вокалист недовольно посмотрел на него:

– Какого черта ты не стучишь? А что, если я тут не один?

– Ты один. Я это знал, поэтому и вошел, – отмахнулся гитарист. – В шесть утра мы с Джошуа возвращались в гостиницу и встретили девчонку-татуировщицу в холле. Похоже, она очень торопилась.

Лори пожал плечами.

– А зачем она вообще приходила? – не унимался тот.

– Господи, Лэнс, она же наша фанатка! Зачем, по-твоему, она приходила?

– Мне она сказала, что из тату-салона и пришла дать рекомендации на счет твоего пальца, – улыбнулся гитарист.

– Она действительно из тату-салона, – кивнул Лори.

– И как рекомендации? – Лэнс оглядел комнату. – Принял к сведению?

Вокалист рассмеялся:

– Ты же знаешь, я всегда прислушиваюсь к мнению профессионалов.

– А если серьезно? – тот кивнул на его руку. – Не жалеешь?

– Ни сколько! – воскликнул Лори. – Чувствую лишь облегчение.

– Это хорошо, – Лэнс хлопнул его по плечу. – Кстати, Рик звонил, просил собраться в студии в три часа.

– Не вопрос! – вокалист встал. – У тебя есть еще что-то или я пойду принимать душ?

– Все, – Лэнс тоже поднялся. – До встречи у Рика.

– До встречи, – кивнул Лори, закрыл за гитаристом дверь, на этот раз на замок, и отправился в душевую.

Сейчас Tuton работали над очередным альбомом, который должен был выйти уже через несколько месяцев. Запись проходила на одной из голливудских студий, а продюсером пластинки выступал знаменитый Рик Торрент, за плечами которого была многолетняя работа с легендарными музыкантами и предыдущий альбом Tuton.

Рик, пожалуй, был единственным человеком, который мог командовать Лори. И вокалист мог сколько угодно показывать ему средний палец через стекло, пока Рик не будет доволен – песня не будет записана.

Сейчас музыканты занимались вместе с ним своеобразной «работой над ошибками», то есть перезаписывали неудавшиеся моменты. Казалось бы, легкие последние штришки, а провозиться с ними пришлось до самого вечера.

Небо над океаном уже начало окрашиваться в золотисто-оранжевые цвета, когда Рик, наконец, посчитал, что на сегодня хватит.

– Все отлично поработали, – сказал он, выключая компьютер. – Буду рад видеть вас завтра в это же время. Кстати, Зейл может не приходить – бас на записи идеален.

Музыкант улыбнулся, теперь вместо студии пляж, пиво и девчонки.

– А остальных жду завтра, – улыбнулся артистам Рик.

Ритм-гитарист кинул завистливый взгляд на коллегу.

– А вот этого не надо, – погрозил пальцем Зейл. – Как не надо было филонить на записи.

Так, обмениваясь колкостями, Tuton спустились к ожидавшему их фургону. Сидящий на одном из передних кресел друг группы махнул Лори, приглашая занять место рядом с ним, но вокалист покачал головой:

– Не поеду, – сказал он.

– Не поедешь? – удивился тот.

– Не поеду, чего непонятного?

– А куда же ты? – поинтересовался Трой.

– По делам, – туманно ответил вокалист.

– Он решил свести еще одну татуировку, – тихо сказал Лэнс, садясь в машину.

– Тогда все понятно, – улыбнулся Джошуа. – Пока, Лори!

Тот кивнул, не слыша их шуток, и по бульвару Санта-Моника направился к стоянке такси.

Тиффани сейчас работала с очередным клиентом, заканчивала наносить парню на запястье логотип его любимой группы.

– Это шикарно, – улыбнулся он, когда девушка промокнула последние капли крови на его руке.

– Это не шикарно, – ответила довольная Тиффани и указала на стену, где висели фотоплакаты с работами известных татуировщиков. – А вот это действительно шикарно. С тебя сто сорок долларов.

Парень расплатился, а Тиффани отошла помыть руки. Когда же она вернулась, то увидела Лори, вольготно развалившегося в кресле.

– Добрый вечер, – улыбнулся он.

– Здравствуй.

– Нехорошо убегать, не попрощавшись.

Она даже не знала, что ответить, просто стояла и молча смотрела на него. Между тем, музыкант взял со столика флаэр, сложил его в аккуратный кубик и сейчас вертел между пальцами. Наконец, ему это надоело, и он произнес:

– Может, скажешь что-нибудь? Вчера ты была более разговорчива.

– Да будет тебе известно, – Тиффани старалась говорить спокойно. – Я очень сожалею о том, что произошло вчера.

Лори смял кубик и отшвырнул в сторону:

– Сожалеешь? А другие девчонки обычно просто на седьмом небе от счастья.

– Не хочу пополнять их ряды.

– Да ты и так уже там! – усмехнулся музыкант. – В первом ряду! После вчерашнего не мудрено.

Он встал и направился к выходу:

– В любом случае, заходи, буду рад с тобой повидаться.

Тиффани кипела от злости и обиды, как же ей хотелось пинками выдворить музыканта на улицу, но Лори сам ушел, хлопнув при этом дверью. Она не могла понять, почему он сейчас злится, ведь, по идее делать это должна она, но у девушки не было сил злиться. Ей было больно и неприятно, ведь Лори действительно нравился ей, а он поступил, как последний подонок. Хотя, девушка была сама во всем виновата. На что она вообще рассчитывала, идя в гостиницу к вокалисту Tuton?

Слезы защипали глаза и она, наверное, расплакалась бы, если б не зазвенел дверной колокольчик и вошедшая девушка не осведомилась:

– Здесь мастер свободен?

Тиффани улыбнулась и указала посетительнице на кресло. Рабочий день продолжался.

Лори вернулся в гостиницу, где его сразу пригласили пройти в вип-зал бара, в котором сидели его коллеги и приехавший не более часа назад менеджер.

– Что-то ты быстро вернулся, – поглядел на вокалиста Лэнс.

Тот не ответил. Сел за стол, закурил сигарету.

– Хорошо, что ты пришел, – сказал менеджер. – Ибо я пообщался с Риком, он говорит, что вам осталось записать еще две песни, а работать над пластинкой остается около недели и, поскольку релиз у вас через два месяца, то пора подумать о видео. Я принес вам приблизительный сценарий, остается только решить, какой трек станет первым синглом. Надеюсь, мы не разойдемся, пока не сделаем выбор.

Музыканты углубились в чтение сценария.

– Значит, проще говоря, мы просто играем в пустом складском помещении? – поинтересовался Трой.

– В то время как какая-то безумная женщина целится мне в лоб из пушки на протяжении на протяжении всего клипа, – продолжил высказывание барабанщика Лори – Отличный сценарий, ничего не скажешь.

– Это хороший сценарий, – повернулся к нему менеджер. – Режиссер уже присмотрел для вас тот самый склад. В Верноне, низкое, небольшое помещение класса В, раньше оно принадлежало дистрибьюторской компании, сейчас – пусто. Словом, идеальное место.

– А с женской ролью что? – спросил Джошуа и менеджер бросил на стол две фотографии возможных претенденток.

– И кто это? – скривился Лори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.